

АЛЕКСЕЙ А. ШАРОВ

СТРУКТУРА МОТИВАЦИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ И ИХ СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ...

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2023, Т. 20, № 1, 20–32. doi: 10.21702/rpj.2023.1.2

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Научная статья

УДК 159.9.072.43

<https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.2>

Структура мотивации молодых людей и их социальная активность в усложняющихся условиях функционирования общества

Алексей А. Шаров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

sha555da@mail.ru

Аннотация

Введение. Социальная активность молодых людей в реальной и виртуальной среде сегодня претерпевает значительные изменения, поскольку усложняются условия функционирования социальной среды, что связано с рядом оказывающих влияние на социальные условия факторов, в частности, пандемической ситуации, проведением специальной военной операции. Целью исследования является выделение и описание структуры мотивации и социальной активности молодых людей в усложняющихся условиях функционирования социальной среды. Впервые выявлены взаимосвязи мотивов и видов активности, выделены новые формы социальной активности, представлены укрупненные компоненты социальной активности молодежи. **Методы.** В исследовании приняло участие 200 жителей России, средний возраст – 19,8 лет. Для изучения структуры социальной активности использовалась анкета, включающая 18 вопросов-шкал, а также четыре новые авторские шкалы. Мотивационная структура оценивалась семью авторскими вопросами-шкалами, апробированными в предыдущих научных изысканиях. **Результаты.** Наиболее выраженными у молодежи являются мотивы поиска нового, гармонии с другими, саморазвития и самореализации. Выявлены взаимосвязи между мотивами поиска нового, самореализации и досуговой и интернет-поисковой активностью, а также между профилактической активностью и мотивом поиска нового, постпандемийной активностью и мотивов уверенности и успешности. Структура социальной активности представлена тремя укрупненными компонентами: гражданско-политическая активность, включающая религиозную составляющую; профессионально-образовательная и рекреационно-бытовая активность; профилактически-постпандемийная активность. В структуре социальной активности молодежи выделены как традиционные, так и новые формы. **Обсуждение результатов.** Полученные результаты вполне объяснимы с позиции системно-диахронического подхода, согласно которому активность личности и группы, ее мотивация обуславливаются внешним состоянием функционирования социальной среды. Обозначенные условия порождают возникновение новых форм социальной активности, подходов к классификации изучаемого феномена.

Ключевые слова: мотивация, социальная активность, молодежь, реальная среда, виртуальная среда, факторная структура, укрупненная группа, постпандемийная активность, саморазвитие, гражданская активность

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-18-00298 «Психологические механизмы и факторы социальной активности молодежи».

Для цитирования: Шаров, А. А. (2023). Структура мотивации молодых людей и их социальная активность в усложняющихся условиях функционирования общества, *Российский психологический журнал*, 20(1), 20–32. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.2>

Введение

В настоящее время наблюдается рост числа исследований, касающихся различных аспектов социальной активности молодежи. Прежде всего это можно увидеть в русле социальной психологии. Под социальной активностью современными авторами понимается не только участие представителей молодежной демографической группы в различных сферах жизнедеятельности и исполнение ими социальных ролей, но и творческое, инициативное отношение к себе и различным сферам общественной жизни (Шамяионов, 2020; Шамяионов, 2018).

Можно выделить несколько направлений исследований в интересующем нас контексте. В первую очередь это разработка и описание различных форм (типов) социальной активности (Шамяионов и др., 2020). Далее необходимо упомянуть работы отечественных авторов, посвященных изучению деятельностных характеристик (Арендачук, 2020), ценностных (Шамяионов, Бочарова, Невский, 2022), волевых (Шамяионов, Григорьева, Григорьев, 2019) и социально-демографических предикторов социальной активности (Усова, 2019). Авторы также рассматривают взаимосвязь социальной активности со склонностью к рискованному поведению (Шамяионов, 2021), идентичностью (Шамяионов и др., 2022), а также мотивацию социальной активности и ее соотношение с гражданским самосознанием (Григорьева, Шаров, Заграничный, 2022). Важное место в рамках современных научных изысканий занимает изучение проблематики соотношения активности молодежи с различными психологическими характеристиками (доверием, психологическим благополучием, конформизмом) (Кисляков, Шмелева, 2022); анализ глазодвигательных реакций в процессе восприятия молодежью сюжетов с различными формами социальной активности (Шамяионов, Невский, 2020). Небезынтересным является изучение влияния социальной активности молодежи на её позиции на рынке труда (Балог, 2017). Особенно актуальным представляется различие типов социальной активности в реальной (физической) и виртуальной средах, рассмотрение их сопряжения, механизмов перехода друг в друга (Шамяионов, Суздальцев, 2022; Заграничный, 2019). Более того, происходит выделение интегративной отрасли науки – психологии социальной активности личности и группы (Шамяионов и др., 2020). В зарубежной науке большое внимание уделяется виртуальным формам социальной активности молодежи, в том числе девиантным (киберагрессия, кибербуллинг (Álvarez-García, Barreiro-Collazo, Núñez & Dobarro, 2016; Nocentini et al., 2012; Schoffstall & Cohen, 2011; Mishna et al., 2018)), изучению соотношения активности и социальной идентичности (Osborne, Jost, Becker, Badaan & Sibley, 2018), а также изучению жизненных

ориентаций в контексте преобразования социальной деятельности (Hitlin & Salisbury, 2013), вопросам цифровой социализации в целом (Stornaiuolo, 2017).

В последние годы в нашей стране наблюдается исследовательский интерес к девиантным формам социальной активности как в реальной, так и в виртуальной среде в плане диагностики, типологии, взаимосвязи (Шаров, 2019; Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020).

Таким образом, можно констатировать устойчивый исследовательский интерес отечественных и зарубежных авторов к тематике социальной активности, тенденцию к расширению ее видов и границ, механизмов перехода друг в друга.

М. А. Кленовой (2018), а также В. А. Ситаровым и В. Г. Мараловым (2015) особо подчеркивается, что изучать феномен социальной активности молодежи необходимо всесторонне, с учетом динамики функционирования современного общества. Показательным в данном контексте является исследование Н. В. Усовой и соавторов, где предпринимается попытка обоснования диагностического инструментария в рамках изучения активности личности в условиях вынужденной самоизоляции (Усова, Арендачук, Кленова, 2021). Можно предположить, что в настоящее время активность молодой личности подвержена влиянию усложняющихся обстоятельств функционирования социальной среды. К данным обстоятельствам, во-первых, необходимо отнести свежий след обостренной пандемической ситуации и связанные с ней различного рода ограничения и запреты, продолжающиеся с февраля 2020 года, и, во-вторых, неблагоприятную экономическую и геополитическую обстановку, в которой оказалась Россия в связи с проведением специальной военной операции.

Цель настоящего исследования – выделение и описание структуры мотивации и социальной активности молодых людей в усложняющихся условиях функционирования социальной среды.

Нами выделен ряд гипотез:

- можно предположить выделение укрупненной структуры социальной активности личности и группы, содержащей как традиционные, так и новые формы активности, связанные с усложняющимися условиями социальной среды;
- существуют значимые взаимосвязи между типами и мотивами социальной активности;
- задачами данного исследования выступают разработка и включение в диагностический блок новых типов активности личности; выявление взаимосвязи мотивов и видов активности; представление укрупненных компонентов социальной активности молодежи.

Методы

Выборка исследования составила 200 респондентов, средний возраст – 19,8 лет (61,5 % женщин), 86 % респондентов не состоят в браке. Из респондентов проживающих в малых городах – 22,5 %, селах – 12 %, в областных центрах – 63,5 %, и 2 % жителей мегаполиса. Формирование выборки производилось простым рандомизированным способом. Исследование проводилось в период с апреля по июнь 2022 года.

В рамках реализации исследовательского замысла применена анкета, включающая 18 вопросов-шкал (Шамяионов и др., 2020), содержательно характеризующих формы социальной активности личности (альтруистическая, досуговая, спортивно-оздоровительная, культурно-массовая, семейно-бытовая, экологическая, социально-политическая, интернет-сетевая, интернет-поисковая, гражданская, социально-экономическая, профессиональная, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная,

субкультурная). Респондентам предлагалось оценить свою активность по 5-балльной шкале Лайкерта (от 1 – «практически никогда» до 5 – «постоянно») (Шамионов и др., 2020).

Мотивация социальной активности оценивалась семью авторскими вопросами-шкалами, апробированными на предыдущем этапе исследовательской работы (Григорьева и др., 2022). Среди шкал – обеспеченность едой и жильем (1); уверенность и успешность (2); принятие другими (3); любовь и уважение (4); поиск нового (5); гармония с другими (6); самореализация и саморазвитие (7). Предполагаемые новые формы социальной активности оценивались разработанными тремя авторскими шкалами (табл. 1).

Таблица 1

Вопросы-шкалы новых форм активности

Наименование шкалы	Содержание шкалы
Профилактическая активность	Избегание ситуаций, связанных с пребыванием в местах массового скопления людей, использование масок, перчаток в общественных местах и при контакте с лицами, имеющими симптомы ОРВИ, проведение ревакцинации, интерес к новостному, профилактическому контенту в рамках тематики COVID-19
Постпандемийная активность	Использование цифровых сервисов для поиска информации, покупки товаров, получения услуг, межличностного взаимодействия, несмотря на отмену основных ковидных ограничений, деятельность, направленная на борьбу с постковидными осложнениями, построение долгосрочных планов в аспекте жизнедеятельности без учета пандемии
Патриотическая активность	Участие в сборе и отправке гуманитарной помощи жителям ДНР и ЛНР, в акциях поддержки специальной военной операции, использование хэштегов в соцсетях, символики в реальной среде (на предметах одежды, средствах передвижения) латинской буквы Z

Содержательная валидность новых вопросов-шкал оценивалась четырьмя экспертами. Коэффициент конкордации Кендалла ($W = 0,80$) свидетельствует о высокой степени согласованности оценки экспертов. Обозначенные шкалы также продемонстрировали приемлемый уровень надежности: α Cronbach = 0,74–0,83. Респондентам предлагалось оценить свою активность также по шкале Лайкерта (от 1 до 5).

Диагностический этап исследования проводился без контакта с респондентом посредством применения платформы Google Forms. Среднее время заполнения опросной формы – 15 минут. Статистическая обработка осуществлялась с помощью лицензионного статистического программного пакета IBM SPSS Statistics 27.0.

Результаты

Все полученные в ходе проведения аналитического этапа показатели проверены на нормальность распределения по критерию Колмогорова-Смирнова. Получен приемлемый положительный результат ($p > 0,05$), что свидетельствует о предположительном соответствии эмпирических распределений нормальному и возможности применения параметрических статистических процедур (t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ Пирсона, факторный анализ методом главных компонент).

Обратимся к полученным данным, отражающим описательную статистику. В таблице 2 представлены результаты по видам социальной активности.

Таблица 2

Описательные статистики выраженности социальной активности (n = 200)

Активность	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
Альтруистическая	1	4	2,60	1,99
Досуговая	1	5	4,09	1,01
Спортивно-оздоровительная	1	5	3,36	1,22
Культурно-массовая	1	5	2,71	1,24
Семейно-бытовая	1	5	3,93	1,03
Экологическая	1	5	2,89	1,17
Социально-политическая	1	5	1,83	1,15
Интернет-сетевая	1	5	3,18	1,37
Интернет-поисковая	1	5	3,83	1,16
Гражданская	1	5	2,21	1,16
Социально-экономическая	1	5	2,67	1,35
Профессиональная	1	5	3,11	1,26
Образовательно-развивающая	1	5	2,83	1,26
Духовная	1	5	2,99	1,31
Религиозная	1	5	1,91	1,13
Протестная	1	5	1,70	1,05
Радикально-протестная	1	5	1,88	1,18

Активность	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
Субкультурная	1	5	1,80	1,20
Профилактическая	1	4	1,66	0,89
Постпандемийная	1	5	1,91	1,18
Патриотическая	1	5	1,61	0,94

Из таблицы 2 видно, что досуговая, семейно-бытовая и интернет-поисковая активность являются наиболее выраженными в молодежной среде.

Обратимся к полученным данным, касающимся мотивации социальной активности. В таблице 3 представлены результаты по всей выборке, а также в сравнительном контексте между мужчинами и женщинами.

Таблица 3

Мотивы социальной активности ($n = 200$)

Показатели	Мотивы социальной активности молодежи							
	1	2	3	4	5	6	7	
Результаты по всей выборке	Среднее значение	3,35	3,29	3,42	3,94	4,29	4,04	4,36
	Станд. откл.	1,17	1,29	1,28	1,10	0,89	1,10	0,92
Женщины	Среднее значение	3,21	3,32	3,31	4,20	4,31	4,20	4,30
	Станд. откл.	0,90	1,31	1,35	0,98	0,95	1,05	0,96
Мужчины	Среднее значение	3,42	3,22	3,47	3,41	4,24	3,71	4,47
	Станд. откл.	3,19	1,18	1,24	1,14	0,77	1,13	0,85
t-критерий Стьюдента		0,54	0,50	0,83	5,23*	0,61	3,21*	1,30

Примечание: уровень значимости $p \leq 0,01$.

Из таблицы 3 видно, что мотивы поиска нового, гармонии с другими, а также саморазвития и самореализации являются наиболее выраженными у молодежи. У девушек преобладают мотивы уважения и любви, гармонии с другими. Полученные результаты пересекаются

с ранее проведенными исследованиями в рамках изучения социальной активности молодежи (Григорьева и др., 2022).

Обратимся к результатам корреляционного анализа наиболее выраженных мотивов и видов социальной активности. Получены значимые взаимосвязи между мотивами поиска нового и досуговой активностью ($r = 0,256$ при $p < 0,001$), а также интернет-поисковой активностью ($r = 0,225$ при $p < 0,001$); мотивом самореализации и самоактуализации и досуговой активностью ($r = 0,369$ при $p < 0,001$), а также интернет-поисковой активностью ($r = 0,341$ при $p < 0,001$). Интерес представляют и выявленные взаимосвязи мотива поиска нового и профилактической активности ($r = -0,176$ при $p < 0,001$), а также мотива уверенности и успешности и постпандемийной активности ($r = 0,210$ при $p < 0,001$).

Перейдем к констатации результатов факторной структуры социальной активности молодежи. Получены значения по критерию КМО = 0,826, а статистическая значимость Критерия сферичности Бартлетта = 0,000. Это свидетельствует о том, что данные могут быть подвергнуты факторному анализу. В результате факторного анализа методом главных компонент с последующим Varimax-вращением (вращение сошлось за 5 итераций) с нормализацией Кайзера получено 3 фактора, объясняющих 47 % дисперсии. Каждый фактор определяет укрупненную группу элементов структуры социальной активности молодежи. Представим результаты в таблице 4.

Таблица 4

Факторные нагрузки типов социальной активности ($n = 200$)

Тип социальной активности	1 фактор	2 фактор	3 фактор
Альтруистическая	–	0,486	–
Досуговая	–	0,666	–
Спортивно-оздоровительная	–	–	–
Культурно-массовая	–	0,569	–
Семейно-бытовая	–	0,488	–
Экологическая*	–	–	–
Социально-политическая	0,806	–	–
Интернет-сетевая	–	0,543	–
Интернет-поисковая	–	0,686	–
Гражданская	0,718	–	–

Тип социальной активности	1 фактор	2 фактор	3 фактор
Социально-экономическая*	–	–	–
Профессиональная	–	0,484	–
Образовательно-развивающая	–	0,485	–
Духовная	–	0,563	–
Религиозная	0,663	–	–
Протестная	0,757	–	–
Радикально-протестная	0,776	–	–
Субкультурная	0,616	–	–
Профилактическая	–	–	0,855
Постпандемийная	–	–	0,887
Патриотическая*	–	–	–
% охвата общей дисперсии	21	16	10

Примечание: типы, отмеченные *, не вошли не в один из факторов.

Первый фактор, включающий социально-политическую, гражданскую, религиозную, протестную, радикально-протестную и субкультурную типы социальных активностей, назван нами «гражданско-политическая активность, включающая религиозную составляющую».

Второй фактор содержит следующие формы социальных активностей: альтруистическую, досуговую, культурно-массовую, бытовую, интернет-сетевую, интернет-поисковую, профессиональную, образовательно-развивающую и духовную. Данный фактор обозначен как «профессионально-образовательная и рекреационно-бытовая активность». Третий фактор включает постпандемийную и профилактическую социальные активности и назван нами «профилактически-постпандемийная активность, связанная с распространением COVID-19». Также из представленной таблицы мы видим, что ни в один из факторов не вошли экологическая, социально-экономическая, патриотическая активность.

Обсуждение результатов

Анализ первичных показателей активности позволяет констатировать, что приоритетными видами социальной активности у молодежи являются досуговая, семейно-бытовая и интернет-поисковая. Полученные данные согласуются с ранее проведенными исследованиями

(Шамионов, 2021; Арендачук, 2021), в которых установлено, что приоритетными видами активности у молодежи являются интернет-сетевая и досуговая. Это значит, что перечисленные виды активности также доминируют и в усложняющихся условиях социальной среды.

Наиболее выраженными у молодежи являются мотивы поиска нового, гармонии с другими, а также саморазвития и самореализации. Эти данные согласуются с ранее проведенными исследованиями (Григорьева и др., 2022) в которых было продемонстрировано, что для молодежи важны мотивы саморазвития, поиска нового. Сравнительный анализ показал, что для респондентов женского пола в большей степени, чем для мужского, важны мотивы уважения и любви, гармонии с другими. Данный факт свидетельствует об ориентации женщин в процессе социальной активности на позитивный социальный отклик со стороны окружающих людей. Явная идентичность полученных данных в разные периоды времени может свидетельствовать о том, что структура мотивации социальной активности молодежи является относительно статичной, несмотря на усложняющиеся условия функционирования общества.

Что касается взаимосвязей мотивов и типов активности, то можно констатировать, что мотивы поиска нового, самореализации и самоактуализации сопряжены с интернет-поисковой и досуговой активностью. С другой стороны, чем ниже мотив поиска нового, тем выше профилактическая активность. Мотив уверенности и успешности сопряжен с постпандемической активностью. Другими словами, в усложняющихся условиях функционирования социальной среды реализация мотивов, связанных с поиском нового и саморазвитием, происходит посредством досуговой и интернет-поисковой активности молодой личности, а уверенность и успешность соотносятся с постпандемической активностью.

Не вошла ни в один фактор (показатели имеют невысокий разброс и средний балл) патриотическая активность. Это может быть объяснено тем, что действия молодежи патриотической направленности в данном контексте могут быть включены в гражданскую и протестную активность, выделенные на ранних этапах исследования (Шамионов и др., 2020) и вошедших в первый фактор (укрупненный компонент социальной активности под названием «гражданско-политическая активность, включающая религиозную составляющую»). Факт вхождения в самостоятельный фактор (профилактически-постпандемическая активность, связанная с распространением COVID-19) выделенных нами профилактической и постпандемической активности можно объяснить следующим образом. Ситуация, связанная с пандемией, различного рода ограничениями, изоляцией и другими аспектами распространения коронавирусной инфекции является достаточно продолжительной. Несмотря на снятие основных ограничительных мер на территории России на момент исследования, ситуация остается напряженной и непредсказуемой. По прогнозам ученых-эпидемиологов возможные подъемы заболеваемости коронавирусной инфекцией в осенне-зимний и весенний периоды, что связано со снижением уровня антител (Барвина и др., 2021; Карпова, Столяров, Поповцева, Столярова, Даниленко, 2022). Можно констатировать, что новостной, профилактический, научно-медицинский контент активно транслировался в СМИ, виртуальной среде с 2019 года. Вероятно, поэтому и профилактическая активность как новый тип социальной активности вошла в указанный выше крупный компонент. Произшедший спад пандемического напряжения обуславливает выделение еще одной новой вариации активности – постпандемической, направленной на построение жизненных планов без учета пандемической ситуации, использование приобретенного опыта навыков взаимодействия в виртуальной среде, а также деятельности, направленной на преодоление постковидных осложнений.

Выделение мотивов, их сопряжения с социальной активностью, укрупненных компонентов социальной активности можно объяснить с позиции системно-диахронического подхода, согласно которому различные типы (виды) социальной активности обуславливаются не только социально-психологическими характеристиками, но и внешними условиями функционирования общества, в которых находится личность, группа. В данном случае возникновение ситуативного укрупненного компонента социальной активности (профилактически-постпандемийного) связано с изменениями внешних условий жизнедеятельности, обусловленной распространением коронавирусной инфекции.

Заключение

5. В структуре социальной активности молодежи можно выделить как традиционные формы социальной активности (альтруистическая, досуговая, спортивно-оздоровительная, культурно-массовая, семейно-бытовая, социально-политическая, интернет-сетевая, интернет-поисковая, гражданская, профессиональная, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная, субкультурная), так и новые, которые обусловлены меняющимися условиями жизнедеятельности и функционирования социальной среды (профилактическая, постпандемийная, патриотическая).
6. Мотивы поиска нового, саморазвития и самоактуализации сопряжены с досуговой и интернет-активностью, а мотив уверенности и успешности обуславливает постпандемийную активность.
7. Структура социальной активности молодежи в усложняющихся условиях социальной среды включает в себя три укрупненных компонента: гражданско-политический, включающий религиозную составляющую, профессионально-образовательный и рекреационно-бытовой, а также профилактически-постпандемийный.

Полученные в настоящей работе результаты могут быть использованы в рамках разработки программ психологического и социального сопровождения в усложняющихся условиях функционирования социальной среды, а также организации деятельности современной молодежи. Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с выделением новых ситуативно обусловленных форм социальной активности в зависимости от возникновения новых условий и вызовов современности.

Ограничения исследования

Ограничениями исследования является несбалансированность выборки по полу (большинство респондентов – женщины), а также по месту проживания (большинство респондентов – жители областного центра). Кроме того, значительная часть испытуемых является студентами образовательных организаций высшего образования.

Литература

- Арендчук, И. В. (2020). Деятельностные характеристики социальной активности молодежи разных возрастных групп. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*, 9(2), 148–161. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-148-161>
- Арендчук, И. В. (2021). Характеристики психологической готовности к социальной активности как детерминанты разных форм ее проявления у российской студенческой молодежи

- в Саратовском регионе. *Вестник РУДН. Серия Психология и педагогика*, 18(1), 64–84. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-64-84>
- Балог, А. И. (2017). Влияние социальной активности молодёжи на её позиции на рынке труда. *Социальные и гуманитарные знания*, 3(1), 55–62.
- Баврина, А. П., Саперкин, Н. В., Другова, О. В., Карякин, Н. Н., Ковалишена, О. В. (2021). Сравнительная характеристика очередного подъема заболеваемости COVID-19 в различных регионах мира. *Эпидемиология и Вакцинопрофилактика*, 20(4), 89–102. <https://doi.org/10.31631/2073-3046-2021-20-4-89-102>
- Григорьева, М. В., Шаров, А. А., Заграничный, А. И. (2022). Структура и мотивация социальной активности и ее соотношение с гражданским самосознанием молодежи. *Социальная психология и общество*, 13(1), 142–158. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130109>
- Заграничный, А. И. (2019). Особенности проявления социальной активности молодежи в виртуальной и реальной средах. *Общество: социология, психология, педагогика*, 4, 95–98.
- Карпова, Л. С., Столяров, К. А., Поповцева, Н. М., Столярова Т. П., Даниленко, Д. М. (2022). Сравнение первых трех волн пандемии COVID-19 в России (2020–2021 гг.). *Эпидемиология и Вакцинопрофилактика*, 21(2), 4–16. <https://doi.org/10.31631/2073-3046-2022-21-2-4-16>
- Кисляков, П. А., Шмелева, Е. А. (2021). *Психология безопасного просоциального поведения личности*. Когито-Центр.
- Кленова, М. А. (2018). Проблемы и перспективы исследования социальной активности молодежи. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, 7(4), 319–325.
- Ситаров, В. А., Маралов, В. Г. (2015). Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития). *Знание. Понимание. Умение*, 4, 164–176.
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Чигарькова, С. В. (2020). Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи. *Национальный психологический журнал*, 2(38), 3–20.
- Усова, Н. В. (2019). Социально-демографические детерминанты направленности социальной активности современной молодежи. *Ученые записки Российского государственного социального университета*, 18(2), 15–22.
- Усова, Н. В., Арендачук, И. В., Кленова, М. А. (2021). Диагностика характеристик активности личности в условиях вынужденных социальных ограничений. *Мир науки. Педагогика и психология*, 3(9), 82–95. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270207>
- Шамяионов, Р. М. (2020). Соотношение социальной активности и удовлетворенности базовых психологических потребностей, субъективного благополучия и социальной фрустрированности молодежи. *Сибирский психологический журнал*, 77, 176–195. <https://doi.org/10.17223/17267080/77/9>
- Шамяионов, Р. М. (2021). Социальная активность и склонность к риску студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции. *Социальная психология и общество*, 13(1), 94–112. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120107>
- Шамяионов, Р. М. (2018). Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы. *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*, 15(4), 379–394. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394>
- Шамяионов, Р. М., Бочарова, Е. Е., Невский, Е. В. (2022). Роль ценностей в приверженности молодежи различным видам социальной активности. *Социальная психология и общество*, 13(1), 124–141. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130108>

- Шамионов, Р. М., Григорьева, М. В., Арндачук, И. В., Бочарова, Е. Е., Усова, Н. В., Кленова, М. А., Шаров, А. А., Заграничный, А. И. (2020). *Психология социальной активности молодежи*. Перо.
- Шамионов, Р. М., Григорьева, М. В., Григорьев, А. В. (2019). Волевые качества как предикторы значимости социальной активности студентов. *Социальная психология и общество*, 13(1), 18–34. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100102>
- Шамионов, Р. М., Невский, Е. В. (2020). Специфика глазодвигательных реакций и ценностей как предикторов социальной активности студентов. *Перспективы науки и образования*, 3, 294–307. <https://doi.org/10.32744/pse.2020.3.22>
- Шамионов, Р. М., Суздальцев, Н. В. (2022). Соотношение приверженности молодежи к социальной активности в интернете и физическом пространстве. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 19(1), 21–38. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-21-38>
- Шамионов, Р. М., Бочарова, Е. Е., Невский, Е. В. (2022). Соотношение жизненных ориентаций, социальной идентичности и социальной активности молодежи. *Российский психологический журнал*, 18(4), 91–105. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.7>
- Шаров, А. А. (2019). Особенности девиантной активности в реальной и виртуальной средах у представителей молодежных субкультур. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*, 3, 450–454.
- Álvarez-García, D., Barreiro-Collazo, A., Núñez, J. C., & Dobarro, A. (2016). Validity and Reliability of the Cyber-aggression Questionnaire for Adolescents (CYBA). *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, 8(2), 69–77. <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2016.02.003>
- Hitlin, S. & Salisbury, M. H. (2013). Living life for others and/or oneself: The social development of life orientations. *Social Science Research*, 42(6), 1622–1634. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2013.07.007>
- Mishna, F., Regehr, C., Lacombe-Duncan, A., Daciuk, J., Fearing, G. & Van Wert, M. (2018). Social media, cyber-aggression and student mental health on a university campus. *Journal of Mental Health*, 27(3), 222–229. <https://doi.org/10.1080/09638237.2018.1437607>
- Nocentini, A., Calmaestra, J., Schultze-Krumholtz, A., Scheitauer, H., Ortega, R. & Menesini E. (2012). Cyberbullying: Labels, behaviors and definition in three European countries. *The Australian Journal of Guidance and Counselling*, 20, 129–142. <https://doi.org/10.1375/ajgc.20.2.129>
- Osborne, D., Jost, J. T., Becker, J. C., Badaan, V. & Sibley, C. G. (2018). Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action. *European Journal of Social Psychology*, 49(2), 244–269. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2522>
- Schoffstall, C. & Cohen, R. (2011). Cyber Aggression: The Relation between Online Offenders and Offline Social Competence. *Social Development*, 20(3), 586–604.
- Stornaiuolo, A. (2017). Contexts of digital socialization: Studying adolescents interactions on social network sites. *Human Development*, 60(5), 233–238. <https://doi.org/10.1159/000480341>

Поступила в редакцию: 30.06.2022

Поступила после рецензирования: 30.10.2022

Принята к публикации: 31.10.2022

АЛЕКСЕЙ А. ШАРОВ

СТРУКТУРА МОТИВАЦИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ И ИХ СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ...

Российский психологический журнал, 2023, Т. 20, № 1, 20–32. doi: 10.21702/rpj.2023.1.2

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Информация об авторе

Алексей Александрович Шаров – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов, Российская Федерация; ResearcherID: W-7529-2018, SPIN-код: 8248-5551, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-1413>, e-mail: sha555da@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.